

Семья Ли толкала тачку. В этом году им предстояло уплатить хлебный налог за семь человек, и на телеге было навалено четырнадцать ши серого проса.

В одном ши насчитывалось сто шесть цзиней, так что на повозке громоздилось более полутора тысяч цзиней зерна, и до тех пор, пока чиновники не примут его, нельзя было допустить ни единой оплошности.

Место сбора налога назначили в другой деревне на востоке, и путь туда неизбежно лежал через центр их собственного селения.

Стоило выйти за порог, как Ли Эр-лан увидел, что дорога кишит людьми — все они без исключения везли зерно.

Эти люди жили дальше них; например, из Нижней Ли на западе. У некоторых семей не было телег, и им приходилось носить ношу на коромыслах или навьючивать скот.

Обычная тихая грунтовая дорога перед домом семьи Ли теперь бурлила от толпы.

Старший Ли выкатил повозку на дорогу, а остальные шли вокруг неё, подталкивая сзади и поглядывая по сторонам, чтобы помешать злоумышленникам затеять неладное.

Все встречные так или иначе приходились друг другу роднёй или хотя бы знакомыми, так что шли вместе, оживленно переговариваясь и шутя — стоял такой шум и гам.

Семейство Ли вкатило телегу в центр Верхней Ли и издалека заметило у обочины нескольких людей, которые махали им руками. Черты лиц этих людей были до боли похожи на лица членов семьи Ли. Когда старик Ли подкатил повозку ближе, невысокий мужчина, очень похожий на него, поприветствовал деда Ли:

— Отец.

Старик Ли кивнул, знаком приглашая их идти вместе.

Это была вторая ветвь семьи Ли, проживавшая в родовом гнезде посреди деревни.

Вторая ветвь была на редкость благословенной: Ли Да-цин, то есть младший брат отца Ли — Ли Да-цая, с первой же попытки обзавелся тройней. Эти тройняшки были ровесниками старшего брата и уже успели обзастись жёнами.

Младший из тройни подбежал ближе:

— А где Гуй-лан? Почему не видно Гуй-лана?

Ли Эр-лан придержал повозку:

— Его раны ещё не зажили, придёт — только лишние хлопоты создаст.

Матушка Ли посмотрела на доверху груженую повозку второй ветви и велела старшему сыну помочь:

— Хуа-лан, почему вас только трое?

Мужчина по имени Хуа-лан тихонько шепнул матушке Ли и бабушке Ли на ухо:

— Матушка с остальными дома с детьми сидят. Есть радостная новость, мы еще не успели сказать бабушке и тётке: моя жена понела, теперь вот соблюдает покой.

Матушка Ли и бабушка Ли радостно рассмеялись:

— Ай-яй! Тогда ей никак нельзя перенапрягаться! Через пару дней мы с твоей бабушкой поймем пару кур и наведем вас!

Хуа-лан замахал руками:

— Бабушка, тётка, не нужно носить кур, у нас дома свои есть!

— Ой, да беременной женщине нужно побольше питательного! Мужчинка ты наш, не мешай нам!

Ли Эр-лан поздравил родственника и сбоку поинтересовался:

— Братец, а у вас в этом году зерна после уплаты налога вдоволь останется?

Хуа-лан ответил:

— Дед с бабушкой хоть с нами и не живут, но ртов у нас всё равно много. Уплатим налог за восемь человек, и запас останется приличный.

Восемь человек — это шестнадцать ши.

Заговорив о зерне, Хуа-лан затронул тему недавнего взлёта цен:

— Ныне цены безумно подскочили. Говорят, сегодня рис снова подорожал, многие только и ждали, как сдать налог, чтобы броситься продавать зерно! Тётка, а цена на шёлк и вовсе немыслимая — четыреста двадцать вэней! Моя матушка ждёт не дожждётся, глядишь, завтра еще вырастет!

Ли Эр-лан встревожился:

— Передай дяде Цин и тётке: ни в коем случае не продавайте зерно!

Хуа-лан не понял:

— Почему? Отец собирался оставить сколько нужно на еду и семена на следующий год, а остальное сдать — выручит целых два ляна!

Ли Эр-лан от досады заскрёб в затылке: то, о чём догадывался третий брат, пока ничем не подтверждалось. В прошлые годы в это время цена на рис и шёлк тоже росла, но не до такой же степени.

— В общем, передай то, что я сказал, дяде Цин, а если возникнут какие вопросы — пусть обращаются к моему отцу.

Двоюродный брат озадаченно кивнул:

— Оу.

Ли Да-цин и Ли Да-цай были братьями-близнецами. После раздела имущества Ли Да-цай забрал престарелых родителей, прихватил большую часть наделенных земель угодий подальше от деревни и переселился туда, где они жили сейчас, а Ли Да-цин унаследовал старый дом в деревне и небольшую полоску пашни.

Братья разделились вовсе не из-за ссоры, просто род разросся, в старом доме стало тесно, иного выхода не оставалось. Ли Да-цай добровольно съехал исключительно по предложению старшего брата.

В своё время рождение тройни у жены Ли Да-цина взбудоражило всю округу, да к тому же все мальчики — поистине редкое благословение. Благодаря этому жена Ли Да-цина прославилась в окрестностях как женщина исключительной удачи.

Три парня, подрастая, жрали как демоны-таоте. Те годы, пока их еще не внесли в налоговые списки, Ли Да-цин из года в год ходил к брату занимать зерно — делать было нечего,

выращенного своими силами откровенно не хватало.

Еле дождавшись, пока все трое сыновей будут записаны в податные списки и им сразу же выделят триста му земли, они наконец перевели дух. Хлеба на еду стало вволю, однако Ли Да-цин с женой снова озаботились: как быть с женитьбой сыновей?

Год за годом они только об этом и думали, надрываясь от забот. Продавали землю, зерно, занимали деньги, и наконец в начале прошлого года третий сын справил свадьбу — ему исполнилось двадцать.

Теперь все три сына были женаты.

После троих парней у Ли Да-цина родилась девочка, и все домашние окружили её всевозможной лаской.

Как назло, третьей родилась двойня — мальчишки, сейчас ровесники четвёртого брата Ли.

В семье Ли Да-цая парни появлялись один за другим. Хотя давления на него было меньше, чем на младшего брата, тоже пришлось несладко. К счастью, все росли крепкими, и вот теперь пришло время подыскивать невесту Ли Эр-лану.

Постепенно рассвело. Все, кому предстояло платить налог, молча спешили вперед, надеясь покончить с этим делом затемно и вернуться домой.

Две семьи помогали друг другу и наконец добрались до места сбора налогов. Увидев, что чиновники еще не прибыли, они пристроили повозки на ближайшей свободной площадке.

Те, кто пришел спозаранку, по большей части оставили людей сторожить зерно, а сами разошлись поодаль поболтать да послушать сплетни.

Старший Ли велел деду и бабушке найти чистое тенистое место для отдыха, а молодые мужчины остались охранять хлеб.

Ли Да-цин оставил повозку под присмотром троих сыновей и подошел к старшему брату. Братья отыскиали укромный уголок. Убедившись, что вокруг никого нет, Ли Да-цин вполголоса спросил:

— Брат, Сян-лан только что передал слова Хуа-лана, чтобы мы не продавали зерно. К чему это?

Старший Ли вздохнул:

— Третий сын узнал, что цены на зерно в уезде взбесились, а цена на шёлк подскочила вдвое. Он боится, что случится большая беда. Пока всё не прояснилось, с продажей зерна лучше повременить. Я знаю, что из-за свадьбы Хуа-лана вы залезли в долги, но запомни: не сбывай всё подчистую.

Ли Сан-лан был самым образованным человеком в обеих семьях, и порой его слова вызывали больше доверия, чем суждения обычного взрослого. Впрочем, всё это пока оставалось лишь предположениями, и старший Ли не осмеливался болтать об этом с посторонними — поведал только младшему брату.

Ли Да-цин нахмурил брови:

— Что именно сказал Сан-лан?

Старший Ли пересказал догадки сына и еще раз настрого запретил трогать неприкосновенный зерновой запас.

Ли Да-цин с мрачным видом кивнул:

— Брат, я понял. Если будут еще какие новости, пусть Сян-лан шепнет мне словечко, я сделаю по-твоему.

Братья пообщались еще немного, как вдруг раздался удар гонга: на место прибыли сборщики налога, деревенские старосты и уездные управители. Они принялись выстраивать людей в очередь для сдачи зерна. Под присмотром деревенского и уездного глав чиновники регистрировали груз, взвешивали его, а сдававшие налог ставили отпечатки пальцев и выплачивали транспортные расходы — так зерновой налог за этот год считался уплаченным.

Деревенский староста отличался от уездного: старосту выбирали сами односельчане, тогда как уездный ведал сотней дворов, и его кандидатуру утверждали в уездном управлении, так что весомость его слова была куда выше. Крупные деревни с большим количеством дворов управлялись несколькими уездными чиновниками совместно, а маленькие объединялись с соседними под началом одного.

Деревенский староста ведал всеми внутренними делами общины, в то время как уездный отвечал главным образом за регистрацию домохозяйств и сбор податей, поддерживая тесную связь с уездным управлением.

Нынче со сбора урожая люди из нескольких окрестных деревень спешили сюда, на месте стоял невообразимый гвалт, а взбудораженный скот добавлял хаоса, так что без присмотра старост было не обойтись.

Ли Эр-лан с братьями зорко охраняли свою повозку. Увидев, что отец манит их подойти, они

вместе с третьим братом подкатили зерно к столу регистрации.

Писарь сверил количество с данными в реестре домохозяйств, и после уплаты дорожных сборов заставил главу семьи, старика Ли, расписаться и поставить отпечаток пальца.

Налоговый сбор за нынешний год был завершен.

В этот момент писарь поднял голову:

— Есть здесь Ли Чжан-сян из Верхней Ли?

Ли Эр-лан, стоявший рядом, тут же откликнулся:

— Ваша милость, я и есть Ли Чжан-сян.

— Мужчинам, достигшим шестнадцати лет, полагается сто му земли. Скоро чиновники отведут вас для разметки участков, идите ждите там. — Писарь указал направление.

— Слушаюсь.

Ждать пришлось недолго: вскоре Ли Эр-лан услышал, как двое служащих, ударяя в гонги, выкрикивают:

— Ли Чжан-сян из Верхней Ли! Здесь ли Ли Чжан-сян из Верхней Ли?!

Ли Эр-лан возбужденно вскинул руку и подбежал к чиновникам.

— Ты и есть Ли Чжан-сян? Следуй за нами замерять землю.

Попрощавшись с Ли Да-цином и остальными, занятыми сдачей зерна, семейство Ли последовало за чиновниками за пределы толпы. Там уже ожидали другие люди — оказалось, наделы требовалось разметить еще для семи-восьми дворов.

Служащий заглянул в тетрадь и, убедившись, что все в сборе, отвязал висевший на поясе бурдюк с водой и сделал большой глоток:

— Сегодня после обеда займемся вашими дворами.

Тут один из мужчин, косившийся на Ли Эр-лана и уже успевший с ног до головы его оглядеть, не выдержал:

— Господин чиновник, говорят, на востоке от Верхней Ли свободной земли не осталось, на запад — это уже до нашей Нижней Ли дойдет. Скажите, как будут нарезать этот надел?

Как и в случае с Ли Эр-ланом, за спиной каждого парня, ожидавшего надела, стояли старшие родственники, боявшиеся остаться внакладе.

— Чья бы земля ни была, уездный начальник давно разделил всё в описи! — Чиновник хлопнул по тетради в руке. — Кому что положено, то и достанется, а как замеряем без ошибок — так сразу и земельные грамоты выдадим.

Одна из женщин с улыбкой протиснулась вперед и незаметно сунула чиновнику небольшой слиток серебра, заискивающе произведя:

— Раз так, не будет ли угодно господину в первую очередь измерить наши наделы?

Получив деньги, чиновник тотчас согласился:

— Из дома Мао Лю, верно? Первыми и замеряем!

Ли Эр-лан так разозлился, что хотел броситься разбираться, но третий брат удержал его.

Ли Сан-лан тихо покачал головой:

— Не спеши, старший брат.

Взяточничество давно стало привычным делом. Поначалу за сдачу зерна не брали никаких дорожных сборов, но чиновники брали всё больше взяток, и постепенно этот побор превратился в обязательную пошлину, оседающую в карманах управленцев.

Волновался не один лишь Ли Эр-лан — матушка Ли тоже места не находила: если лучшие земли разберуты чужаками, им достанутся одни лишь бросовые пустоши!

Те, кто приехал не из Верхней Ли, наблюдали за происходящим словно за представлением, а вот лица представителей двух других семейств из обеих Ли помрачнели. Они во все глаза смотрели, как давшая взятку баба заигрывает с чиновником.

— Третий, может, и нам дать денег?

Ли Сан-лан остановил брата взглядом:

— Даже если бы мы могли себе это позволить, давать нельзя!

Шумная толпа двинулась с востока на запад размечать наделы. Почти каждая семья явилась полным составом из опасения, что из-за какой-нибудь свары некому будет заступиться.

По возвращении из пункта сбора налогов в Верхнюю Ли осталось всего четыре двора, но по дороге расспросы помогли семейству Ли наконец понять, почему та женщина так старалась задобрить чиновника деньгами.

Оказалось, в Нижней Ли внезапно скончался вдовец, оставивший после себя восемьдесят му земли, которую возделывали не один десяток лет. Какими бы плохими ни были эти угодья, они всё равно шли в пример ещё не освоенным целинным делянкам.

Эта женщина вознамерилась единолично захватить все восемьдесят му!

Всё подтвердилось в точности: свободной земли возле Верхней Ли не осталось, и нынешнее распределение велось в Нижней Ли, где лежали просторные пустоши и дикие горы.

Ли Сан-лан вышел вперёд и с почтением поклонился обоим чиновникам:

— Господа, вы изволили упомянуть, что результаты распределения надел за наделом внесены в реестр. Нельзя ли сперва выписать их в земельные грамоты? Раз уж эта тётка изъявила желание измерять землю первой, пусть она и выбирает первой, как вам такое?

Чиновник за свою жизнь повидал немало людей и с первого взгляда разглядел в Ли Сан-лане присущую тому книжную утонченность.

Почтительный и учтивый Ли Сан-лан говорил твердо и весомо:

— Мы втроем не столь богаты, как эта тётка, и не столь покладисты. Вашему покорному слуге посчастливилось учиться в уездной школе, я знаю кое-какие иероглифы, и если экзамены пройдут успешно, у меня вполне может представиться случай послужить вместе с вами, господа. Эта почтенная матушка, должно быть, спешит по делам, так почему бы не позволить вашему покорному слуге помочь вам переписать земельные грамоты?

— Пусть почтенная матушка выбирает первой, мы не станем ей препятствовать, не задержим вас в делах и не нарушим записей уездного начальника. Три выгоды сразу, разве не прекрасно?

Язык ученого человека — вещь опасная. Разумные речи привели чиновника и женщину в замешательство.

Служащий никак не ожидал, что какой-то книжник окажется столь изворотливым и остроязычным. В его словах крылись и здравый смысл, и скрытая угроза: если отдать все восемьдесят му плодородной земли той бабе, эти три семьи поднимут шум и доставят им

хлопот. Хоть управленцы и умели решать подобные вопросы, перед ними стоял молодой человек, обучающийся в уездной школе — одетый просто, но держащийся с достоинством. И если на следующий год тот сдаст уездные экзамены, наживать себе врага из-за грошей сейчас было бы крайне невыгодно.

— Ладно, пусть будет по-твоему, садись переписывай четыре копии грамот. Мао Ли из Нижней Ли пусть выбирает первой, а остальным трём дворам достанется то, что останется — это тебе уступка, но больше никаких капризов!

Женщина перепугалась:

— Господин чиновник...

— Чего тебе еще? Ученый муж назвал нас господами, а ты, баба, совсем распустилась. Не хочешь выбирать первой — пусть другие выбирают! Среди четырёх копий есть и получше, и похуже, нечего тут цепляться, а то в следующий раз землю будешь мерить вместе со всеми!

Та с досады принялась молить чиновника сжалиться, а потом бросила на Ли Сан-лана свирепый взгляд и сквозь зубы процедила:

— Мы берем первыми!

Землю делили далеко не каждый год. Ныне императорские экзамены проводились ежегодно, а вот распределение наделов — нет.

Уездная управа проводила замеры раз в три года, и Ли Эр-лану повезло: год внесения его в податные списки как раз совпал с переделом земли.

Женщина ждала уже два-три года, разве могла она упустить следующий шанс?

Ли Эр-лан бросил на младшего брата победный взгляд и самодовольно усмехнулся, дав себе слово впредь не проявлять такой горячности.

Управы старались соблюдать справедливость: каждому полагалось по восемьдесят му целинных земель в качестве паевого надела и двадцать му плодородных угодий под вечное владение. Вот только участки эти лежали вразброс — клочок там, клочок здесь: один у оросительного канала, другой у подножия холма.

Ли Сан-лан обладал быстрым и четким почерком. В мгновение ока он вывел восемь копий грамот и предъявил их чиновникам на проверку.

Те взглянули и мысленно перекрестились: слава богу, что не стали связываться с этим

пареньком. Его почерк был чище и красивее пиратских каракуль уездных чинуш.

— Мао Ли из Нижней Ли, подходи давай, — нахмурившись, бросил служащий.

Женщина притихла и, не смея больше скандалить, подвела своих зашуганных домашних.

Зная, где земля жирнее, она всмотрелась в грамоту и выбрала ту, что примыкала к оросительному каналу, занеся её в бумаги. Остальные три семьи разобрали оставшиеся наделы.

Утвердив распределение плодородных земель, чиновники перешли к добору недостающих гектаров за счет пустошей. Окончательно отмерив границы каждого участка, они завершили свои хлопоты.

Перед уходом Ли Эр-лан сунул обоим служащим по сто вэней на чай.

Пусть немного, но на кувшин паршивого вина, чтобы сбить охоту, им хватило бы.

На обратном пути Ли Сан-лан снова удостоился злого взгляда той женщины. Матушка Ли не стерпела и уже собралась было высказать всё в лицо, как оба сына схватили её за руки и буквально уволокли домой.

Лучше избежать лишней неприятности, чем искать правды; сделаешь шаг назад — и перед тобой откроется бескрайнее море.

Шагая домой, Ли Эр-лан продолжал сокрушаться:

— Как только меня разбирает злость, в голове всё путается. Хорошо, что Сан-лан оказался рядом.

Матушка Ли гневно фыркала, полностью разделяя его мысли.

Ли Сан-лан успокоил брата:

— Второй брат, ты просто вспылчив, в этом вы с матушкой похожи. Но если говорить о рассудительности, до тебя даже старшая и младшая сестры недотягивают. Я лишь воспользовался положением ученика, чтобы припугнуть их. Если бы это не сработало, пришлось бы действовать напролом, а там вся надежда была бы только на тебя.

Заметив, что, утешая Эр-лана, Сан-лан не упускает случая подшутить и над ней, матушка Ли укоризненно произнесла:

— Хватит вам языками чесать! Землю распределили, так что никто дома не отсиживаться.

Они вернулись домой за инструментами и сухим пайком, дед Ли отправился нанимать вола, и вся семья впопыхах вновь зашагала за ворота.

Плодородные земли лежали в Нижней Ли, добираться туда было с четверть часа ходу, а пустоши — и того дальше. Если ходить туда-сюда каждый раз, одна дорога съедала больше половины страды.

Семья поступила так, как они вчера и обговаривали: ночевать останутся на поле, а Ли Эр-лан отведет Ли Цзинь-нян домой. Проработав так полмесяца, они успели до сбора урожая распахать все пригодные под пашню участки — чем больше земли удастся обработать, тем больше зерна удастся собрать.

<http://bllate.org/book/21408/2184623>